

УДК 821(091)

ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ АБИША КЕКИЛЬБАЕВА

© Наталья Канталиевна САРСЕКЕЕВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и мировой литературы;
академик Академии гуманитарных наук Республики Казахстан,
e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

Рассмотрен гуманитарный дискурс исторических произведений казахского писателя Абиша Кекильбаевича Кекильбаева. Подробно освещается круг социально-нравственных проблем, разрешаемых писателем на философско-эстетическом уровне. Через нравственные уроки прошлого происходит осмысление современности. Изображая далекое прошлое, древнюю историю предков, затрагивая нравственные проблемы с глубоким общечеловеческим смыслом, писатель находит отклик с современностью. Лиро-эпические предания, народные сказания, сказочные мотивы вплетаются в повествование «Степных баллад» и «Конец легенды» при помощи повторов, инверсий, создающих романтический настрой. При помощи лирических средств изображения писатель стремится понять, в чем заключается смысл бытия, каковы место и роль человека на земле. Поиск новых форм и средств самовыражения способствует формированию авторского дискурса об одухотворенности человеческого бытия. Произведения А.К. Кекильбаева отличаются размытием жанровых границ, преодолением прежних эстетических и идеологических стереотипов, обращением к неомифологическому мышлению, строятся на осовремененных мифах, универсализации, опоре на вечное и непреходящее. В романе «Конец легенды» преобладают художественный вымысел, фантазия, философские размышления над такими категориями, как добро и зло, любовь и власть, истина и ложь. Монологический характер повествования, акцентирование внимания на нравственном аспекте отношений героев, философское осмысление событий, психологический анализ внутренней жизни персонажей свидетельствуют о мифопоэтической природе произведения. Постоянным символом романа является минарет. Минарет – главный символ романа, несущий в себе основные идеи произведения: власть, славу, любовь, искусство, тайну мира и человеческой души. В тюркском сознании минарет связан с символично-архитектурным единством медиативности, открывающим поэтику многозначного образа. Также в романе минарет является композиционным стержнем – все события так или иначе связаны с ним и происходят около него. Через образ минарета происходит противопоставление двух миров – верхнего и нижнего. Верхний – связан с образом неба, красоты, с миром мечты героев, нижний – с образом города, «муравейником», миром повседневной суеты. Символично и красное яблоко с червоточинкой, иллюстрирующее иллюзорность власти.

Ключевые слова: гуманитарный дискурс; автор; мифопоэтика; лиризм; образ; сюжет; символ; философский.

К творчеству народного писателя Казахстана, лауреата Государственной премии имени Абая, Президентской премии Мира и духовного согласия и многих других престижных наград в области литературы, полностью применимы слова лауреата Нобелевской премии, поэта Иосифа Бродского: «*Одна из заслуг литературы и состоит в том, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных...*» [1]. Действительно, творчество А.К. Кекильбаева, стремительно вошедшего в литературу Казахстана еще в начале 1960-х гг., помогает всем его читателям уточнить нравственные «координаты» нового времени, обрести свое «я» в его неудержимо меняющемся потоке

времени. Не случайно немало серьезных научных трудов посвящено литературному и критическому наследию известнейшего отечественного писателя современности, чьи произведения издавались и издаются на многих языках народов советского и постсоветского пространства, а также на немецком, венгерском, болгарском, турецком, монгольском и румынском языках. Кроме того, цикл «Баллады забытых лет» вышел в 2008 г. в переводе на английский язык в издательстве “Stacy International”.

Ушедший из жизни в декабре 2015 г., мастер литературной прозы и художественной критики, общественный деятель, Абиш Кекильбаевич Кекильбаев оставил яркий след в современной казахской культуре и литера-

туре. Особое место в творческом наследии писателя занимает историческая проза – романы «Конец легенды», «Плеяды – созвездие надежды», «Всполохи», повести «Баллады забытых лет», «Колодец» и др. В различных интерпретациях этих книг исследователями отмечалось стремление автора к масштабности изображения и одновременно глубочайшему лиризму, разносторонней проблематике с неизменной гуманитарной составляющей [2; 3 с. 329; 4–6]. Высокую оценку его книгам в разное время давали такие мастера пера, как Ч.Т. Айтматов, М.О. Ауэзов, Г.М. Мусрепов. Крупнейшее немецкое издательство “Die Welt” по итогам опроса среди читателей занесло имя А.К. Кекильбаева в список «Лучшие писатели XX века».

Историческая проза А.К. Кекильбаева неоднократно переводилась и издавалась в Москве. В 2003 г. в предисловии к изданным в российской столице «Степным легендам» исследователь Е.Ю. Сидоров, помимо иных достоинств, отмечал высокую филологическую культуру писателя, помогающую ему выдерживать *чистоту* стилового тона произведений [7, с. 6]. Вероятно, в выработке собственного авторского дискурса немаловажную роль сыграли в т. ч. и переводы казахским автором ряда лучших произведений русской и мировой литературы.

Так, А.К. Кекильбаев перевел на казахский язык романы Г. Мопассана «Пьер и Жан», «Жизнь», «Война и мир» Л.Н. Толстого (отдельные главы), ряд произведений И.А. Бунина, А.П. Чехова, Г. Ибсена. В репертуар многих театров нашей страны в переводе А.К. Кекильбаева вошли лучшие пьесы У. Шекспира – «Король Лир» и «Ромео и Джульетта», искрящаяся «Принцесса Турандот» К. Гоцци, «Дон Жуан, или любовь к геометрии» М. Фриша, «В ночь лунного затмения» М. Карима и др.

В 2006 г. в Германии вышел на немецком языке роман писателя «Минарет, или Конец легенды», главный герой которого страстно желает изменить действительность с помощью искусства. Творческий потенциал героев, полное раскрытие способностей каждого отдельного человека наполнены особым смыслом для А.К. Кекильбаева. Материал для своих произведений он черпал из степной жизни, придавал ему форму балладной драматической прозы, пропуская через приз-

му собственного миропонимания. Будучи автором ряда серьезных научно-критических работ, писатель полагал, что сегодняшнюю современную казахскую литературу обогащают не только хрестоматийный опыт мировой классики, но и уроки текущего творческого процесса в других литературах, в частности, активизация исследовательского начала в осмыслении «метаморфоз национальной психологии» в новых условиях.

Как известно, 1960-е гг. стали особой вехой в становлении казахстанской литературы. Именно тогда национальная проза начала обретать новые качества: менялись формы и динамизм изображаемого, содержательно-композиционная структура, художественный психологизм достиг новых высот. Уже ранние произведения писателя заставляли мыслить по-новому, искать себя как личность, отражали целый спектр гуманистических проблем своего времени и далекой эпохи. Герои А.К. Кекильбаева, представители разных поколений, были всегда очень близки читателям, находивших в них созвучие собственным мыслям и переживаниям. Старики, прошедшие войну, молодежь, начинающая свой путь в жизни, дети наконец – все они изображались в сложных человеческих взаимоотношениях через призму глубокой внутренней связи прошлого и настоящего. Прозу писателя, несмотря на особый лиризм повествования, движет и глубокое эмоциональное чувство, и исследовательская мысль о сущности человека. По справедливому суждению Е.Ю. Сидорова, такая позиция заметно выделяла А.К. Кекильбаева среди многих авторов из Казахстана и Средней Азии, посвятивших свое творчество истории родной земли.

Совершающаяся на наших глазах смена мировоззренческих установок литературы конца XX – первых десятилетий XXI в. способствует максимальной индивидуализации авторского контекста. Писатели новейшей эпохи не связаны необходимостью следования определенным канонам прежних литературных систем, все более активно создают и провозглашают законы свободного творчества, активно экспериментируют в поисках новых форм, новых жанров и нового языка. Внешняя бессюжетность, эксперименты со словом, обилие ассоциаций, особенно в исторической прозе, вызывают все больший

интерес к образу автора и разным граням его сознания в художественных произведениях современных казахских авторов. Примером тому может служить творчество таких писателей, как Хасен Адибаев («Гибель Отрара», 2009), Дюсенбек Накипов («Круг пепла» и «Тень ветра», 2004–2006), Аслан Жаксылыков («Сны окаянных» и «Дом суриката», 2008–2009), Дидар Амантай («На вершинах Каркаралы», 2010) и многих других авторов, пишущих, как правило, на русском языке. Их творческий опыт не прошел мимо внимания отечественных ученых [8–12].

В своей «поэтической» прозе, как ее нередко определяли исследователи, писатель А.К. Кекильбаев выбрал собственный путь. Традиционно эпический вариант исторической романистики (творчество А. Толстого, В.Г. Яна, С.П. Бородина, И. Есенберлина, А.Т. Алимжанова и мн. др.) предполагал широкий охват событий, обстоятельств народной жизни, причин и следствий исторических событий, прослеженных в судьбах героев. Историческая проза А.К. Кекильбаева – лирическая, далекая от панорамного развития темы, сложных композиционных решений. Сокровенной темой писателя является исследование психологии человеческой природы, внутренних состояний героев. Опираясь на исторические источники и легенды, он воссоздает мир далекого прошлого, *«забытых лет»*, пытается проникнуть в психологическую и нравственную атмосферу исторической эпохи, соотнося ее с современностью.

Так, по мнению З.С. Кедринной, крупнейшего исследователя литературы народов Средней Азии и Казахстана, наиболее отчетливо творческая манера и стиль А.К. Кекильбаева проявились в «Балладе забытых лет», в ее пафосе человечности и гуманизма как основного назначения подлинного искусства. В основу произведения положено народное предание об известном в Степи народном кюйши Абыле – реальном человеке, жившем на рубеже XVIII–XIX вв. Согласно преданию, казахский певец был захвачен в плен туркменами во время их набега на казахские аулы. Однако плененный певец, музыкант и композитор сумел покорить захватчиков силой своего искусства, музыки и пения, тем самым способствовал установлению мира между народами.

На страницах произведения представлены жестоко враждующие между собой туркмены и их давняя вражда с одним из наиболее воинственных казахских родов – родом Адай. В этой кровавой расправе с ее убийствами, грабежами, жестокими пытками пленных обе стороны несут равную ответственность – бессмысленная вражда погубила немало единоверцев. И даже бескрайняя пустынная степь не в силах остановить батыров, унять их взаимную жажду убийства.

Автор убежден: нет никакого оправдания тем, кто стремится *«доказать свою правоту на древнее первородство в этом мире, под мангыстауским солнцем»* [7, с. 264]. Извращенные представления о доблести и славе выливаются в беспощадное истребление и унижение «врага», находят свое крайнее выражение в бесчеловечной расправе над пленными, которых после жестоких пыток превращают в лишенных памяти несчастных людей, не знающих своего родства, лишенных имени, уподобившимся животным, манкуртов (легенда о манкуртах впоследствии была мастерски разработана Ч.Т. Айтматовым в романе «И дольше века длится день»).

В «Балладе забытых лет» туркменский правитель рода Жонеут «не ведает страха, не признает жалости, не знает веселой улыбки», одержим одним чувством – чувством *«достойной»* мести своему противнику. Он потерял в кровавой войне с адайцами трех своих сыновей и любимого младшего брата, прозванного за его волчьи повадки Кекборе – Лютый Волк. Простодушный и самолюбивый Кекборе завидовал славе брата, его силе и умной отваге, именно зависть погнала его в последний безрассудный набег. В свою очередь, у убийцы Кекборе, дерзкого, бесстрашного адайского батыра Дюимкары, одно имя которого нагоняло страх на туркмен, последние захватили в плен его сородича – прославленного Абыла. Ситуация усугублена тем, что Жонеут не может оправиться после гибели своего младшего сына Даулета – домбриста, который в свое время состязался в мастерстве с Абылом.

Жесток и трагичен мир восточного средневековья в изображении писателя. Люди его, ослепленные гневом и гордыней, поправ законы человечности, готовы на преступления во имя «духов предков», ложно понятой чести. Таков Жонеут, ослепленный мстью и

к самому Дюимкаре, *«и ко всему его роду, и ко всем его потомкам»*... Однако ненависть и племенная вражда бессильны перед искусством музыканта-домбриста, особенно его последнего кюя, исполненного перед Жонеутом и его приближенными.

О чем же пел прославленный в Степи кюйши, чья музыка становится еще одним «голосом» повествования? О том, что *«люди напрасно коптят небо, если живут только для того, чтобы убивать друг друга. Чего им не хватает на этой божьей земле, под этим божьим небом? Не умеют они довольствоваться тем, что им дано, не умеют жить только необходимым для жизни – и это беда, ибо от зависти всегда будет черно у них на душе. И пока алчность их ненасытна, тесно им будет в родном доме, тесно в просторных степях родной земли... Человек не должен видеть в другом человеке врага...»* [7, с. 320].

Даже негибемый воитель Жонеут, словно окаменевший, не обронивший ни слезинки за сорок дней и ночей, прошедших после гибели своего последнего сына, изо всех сил пытается не поддаться *«наваждению этого казаха-кюйши»*. Однако помимо воли по лицу гордого старого батыра текут слезы, и он впервые в жизни, может быть, открывает в себе незнакомое ранее чувство сострадания. Однако чуда преображения героя не происходит. Чтобы не показаться перед своими людьми слабым, утратившим мужество и воинский дух предводителем, домбриста по приказу Жонеута предают мучительной смерти: закапывают в землю живым... И хотя Жонеуту удалось преодолеть минутную «слабость», с тех пор его ждет пустота одиночества среди сородичей, а вся его жизнь перестает разделяться на сон и явь, одинаково наполненные терзаниями и кошмарами.

И только в снах он жалуется казненному домбристу-пленнику из рода Адай на эту *«бессмысленную, тупую жизнь»*, по-прежнему утверждая, что *«если людям дать полную волю, если люди не будут знать страха, то они распустятся вконец»*. Его преследует одна и та же жуткая картина: голова казненного, возвышающаяся над землей, дикие звери, подкрадывающиеся к ней, а порой голова музыканта оборачивается головой его покойного любимца-сына Даулета... Бесславна и закономерна гибель Жонеута не в бою, а от

удара о притолоку двери его юрты, когда он пытался убежать от звуков знакомой мелодии кюя.

Нравственный и творческий потенциал народа в изображении писателя позволяет ему выйти победителем в противоборстве с деспотической, глухой к народным чаяниям властью тирании и деспотизма. Маленький племянник Жонеута Курбан сумел повторить однажды услышанный кюй казненного домбриста, а копатель колодцев (кудукчи) Енsep из повести «Колодец» смог в результате каторжного труда и ценой собственной жизни напоить местных жителей чистой водой из подземной реки. В «Хатынгольской балладе» сам «Повелитель Вселенной» Чингисхан оказывается побежденным в поединке с опозоренной, но не сломленной мужественной женщиной, в память о которой люди воздвигли высокий поминальный холм, ставший священным для каждого прохожего, каждого путника.

В основу сюжета романа «Конец легенды» положена фабула, заимствованная из восточной притчи. Перед читателем разворачивается история последних месяцев жизни легендарного Тамерлана, прозванного в народе «железным» за его не знающую пределов жестокость. Желание беспредельной власти над всем и вся заявлено уже на первых страницах, воссоздающих противоборство Повелителя (так он назван в романе) и его войска, возвращающихся из похода, со стихией Великой пустыни. Бушующий в течение пяти суток раскаленный песчаный смерч, жестокий ветер, кажется, смешали землю и небо, валили с ног изнуренных людей и коней: *«Смерч, возбуждаясь, крепчая, гулял, свистел по всей вселенной... И, казалось, не уgomонится он никогда, не уймется, пока не разнесет, не развеет всю землю в прах... Однако, чувствуя какое-либо сопротивление, он (Повелитель. – Н. С.) становился упрямее, ожесточеннее... В самом деле, кто могущественнее на этом свете: этот шальной, безумный ветер, лишь дважды – в весеннюю и осеннюю пору – обрушивающийся на землю, или, он, владыка, способный при желании перевернуть вверх тормашками весь этот бренный мир?!»* [7, с. 15].

Герои романа, каждый по-своему, открывают для себя *«суету земной жизни, где происходит вечная борьба между добром и*

злом, отчаянием и надеждой». Голос повествователя незримо присутствует и дополняет речь Повелителя: *«Много стран и народов он покорил. Однако, чтобы в будущих походах не думать о покоренных уже странах и не тратить силы на подавление возможных мятежей, он приказал заблаговременно истребить всех побежденных воинов. Теперь уж можно не оглядываться»* [7, с. 21]. Образ Повелителя в романе создается через призму различных психологических состояний героя, но доминирующим представляется чувство внутреннего беспокойства, смятения, охватившего стареющего деспота, *«утопившего в крови половину вселенной»*. По сути, перед нами поток сознания героя, размышляющего о бессмысленности суеты самой жизни, о своем прошлом. Однако, подобно Жонеуту, *«он не позволял себе передумывать то, что было однажды решено»*, свято веря в исключительное право «сильной личности» управлять всеми и вся. Автор словно дает ему возможность выговориться, довольно часто речь персонажа переходит в лирико-философские рассуждения, к которым подключается повествователь. Беспокойство Повелителя усугубляется рядом обстоятельств: видом величественной голубой башни, которой раньше не было в его столице; красным наливным яблоком, дважды принесенном ему служанкой, из которого выползает червь... Минарет, *«вызывающе гордо устремившийся к бескрайней шире неба»*, был построен в его отсутствие, как выражение преданной любви к нему согласно приказу юной жены Повелителя, Младшей Ханши. Что касается яблока с червоточинкой, то оно было прислано согласно распоряжению Великой Ханши в качестве намека на измену, предательство.

С другой стороны, Повелителя приятно тешит самолюбие – такого чуда не было ни в одном другом городе мира, *«ей (башне. – Н. С.) отныне суждено глядеть свысока на весь необъятный покоренный мир, точно гордый ханский стяг – символ его всемогущества»*. Безмерность власти опустошила и изуродовала и жизнь, и душу тирана. Интересно, что в романе нет ни одной негативной оценки относительно Повелителя – прямые авторские характеристики вообще не характерны для писателя. Что касается характеристик других персонажей (Старшей и Младшей

Ханши, сыновей Повелителя, Жаппара и его отца, старой служанки и других), как правило, персонажи раскрываются при помощи саморефлексий, взаимных оценок и анализа их повествователем.

Строительство башни (минарета), согласно задумке Младшей Ханши, должно было продемонстрировать силу ее любви к Повелителю и верности. Однако задуманное и успешно осуществленное оборачивается и своей парадоксальной стороной – *«незаконной»* любовью юной женщины и строителя башни. Чем более углубляются их чувства друг к другу, тем выше изо дня в день поднимается минарет. В отличие от зодчего, Великий Повелитель видит в минарете нечто свойственное ему самому: *«башню видать на краю земли, и она милостиво манит, влечет к себе всех, но – когда окажешься рядом – становится строгой и недоступной, как сам повелитель...»*. Персонажи «Конца легенды» не имеют готовых ответов на вопросы, поставленные перед ними жизнью, они ищут и находят их в самом процессе ее *«проживания»*. Именно этим отличается роман – изображением сокровенных движений психологических состояний персонажей, образующим свой «внутренний» сюжет.

В итоге юношу-зодчего Жаппара ослепляют, вырывают язык согласно велению хана, а юная, ни в чем не повинная ханша оказывается в опале. Однако и это не приносит Повелителю успокоения: напротив, в последние минуты жизни он убеждается в своей бессилии перед вечными ее законами. Молодой слепец неотступно стоит перед его глазами, и ему не страшны ни сам Великий Повелитель, ни его бесчисленное войско. Могущество подлинной любви и ее вечное возрождение, запечатленное в облике башни, оказываются сильнее власти *«златоколонного властелина»*.

Идея *«строительства храма»*, положенная в основу сюжета романа, придает особый смысл повествованию, задает ценностные ориентиры. Концепт храма человеческой души, *«строящейся»* из идеальных человеческих устремлений к Истине и духовности, представлен во всех памятниках мировой культуры, в т. ч. в Библии и в Коране. Не случайно Жаппар, чтобы *«не задохнуться в этой смрадной житейской грязи, отчаянно карабкается, лезет вверх по крутой ка-*

менной башне, туда, к синею, призрачному поднебесью» [7, с. 94]. Безграничная власть над людьми уродует и жизнь, и душу тиранов, опустошая ее, лишая сна и покоя. Однако ни одному тирану не под силу истребить силы добра и света, вечно живущие в душе народа и определяющие его путь в будущее. Душа народа остается на века запечатленной в музыке, древних легендах, каменных сооружениях. Зло неминуемо обречено до тех пор, пока существуют порывы человеческой души «к небу». Свойство подлинной литературы в том, что, постигая душу одного народа, она становится выразителем всечеловеческой души. Именно об этом писал Абиш Кекильбаевич Кекильбаев, доверявший истории и напомиравший об ее мудрых уроках в контексте современной гуманитарной мысли.

1. *Бродский И.* Нобелевская лекция. URL: http://royallib.com/book/brodskiy_iosif/nobelevskaya_lektsiya.html (дата обращения: 08.01.2016).
2. *Исина Н.У.* Автор и герой в прозе А. Кекильбаева (на материале цикла повестей «Степные легенды»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1995.
3. *Исмакова А.* Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало X в. и современность): монография. Алматы, 1998.
4. *Жанузакова К.Т., Дуйсекеева Б.* Художественно-стилевые поиски в ранних произведениях Абиша Кекильбаева. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2015/Philologia/2_185857.doc.htm (дата обращения: 08.01.2016).
5. *Шашкова Л.* Литература эпохи перемен // Простор. 2010. № 12. С. 174-176.
6. *Арцишевский А.* Абиш Кекильбаев: жизнь и легенда. URL: <http://camonitor.kz/20507-abish-kekilbaev-zhizn-i-legenda.html> (дата обращения: 08.01.2016).
7. *Кекильбаев А.* Степные легенды / пер. с каз. А. Кима. М., 2003.
8. *Жанузакова К.Т., Утепбергенова Г.* Проблема традиций и новаторства в казахской прозе // Вестник КазНУ. Серия Филология. 2014. № 4-5 (150-151). С. 51-57.
9. *Сарсекеева Н.К.* Традиции и новаторство казахстанского романа на рубеже XX–XXI вв. // 6 Багизбаевские чтения. Состояние и перспективы современной филологии: материалы научной конференции, посвященной 80-летию КазНУ им. аль-Фараби. Алматы, 2014. С. 66-69.

10. *Azizova A.O., Zholdasbekova B.U., Sarsekeeva N.K.* Dialogic Orientation of Discourse in Contemporary Kazakh Novel // The Social sciences. 2015. № 10. P. 1337-1342.
11. *Темірболат А.Б.* Проблема хронотопа в современной прозе. Алматы, 2003. С. 145-147.
12. *Образ мира, в слове явленный: монография / под ред. У.К. Абишевой.* Алматы, 2015.

1. *Brodskiy I.* Nobelevskaya lektsiya. URL: http://royallib.com/book/brodskiy_iosif/nobelevskaya_lektsiya.html (дата обращения: 08.01.2016).
2. *Isina N.U.* Avtor i geroy v proze A. Kekil'baeva (na materiale tsikla povestey "Stepnye legendy"): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Almaty, 1995.
3. *Ismakova A.* Kazakhskaya khudozhestvennaya proza. Poetika, zhanr, stil' (nachalo XX v. i sovremennost'): monografiya. Almaty, 1998.
4. *Zhanuzakova K.T., Duysekeeva B.* Khudozhestvenno-stilevye poiski v rannikh proizvedeniyakh Abisha Kekil'baeva. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2015/Philologia/2_185857.doc.htm (дата обращения: 08.01.2016).
5. *Shashkova L.* Literatura epokhi peremen // Prostor. 2010. № 12. S. 174-176.
6. *Artsishevskiy A.* Abish Kekil'baev: zhizn' i legenda. URL: <http://camonitor.kz/20507-abish-kekilbaev-zhizn-i-legenda.html> (дата обращения: 08.01.2016).
7. *Kekil'baev A.* Stepnye legendy / per. s kaz. A. Kima. M., 2003.
8. *Zhanuzakova K.T., Utepbergenova G.* Problema traditsiy i novatorstva v kazakhskoy proze // Vestnik KazNU. Seriya Filologiya. 2014. № 4-5 (150-151). S. 51-57.
9. *Sarsekeeva N.K.* Traditsii i novatorstvo kazakhstanskogo romana na rubezhe XX–XXI vv. // 6 Bagizbaevskie chteniya. Sostoyanie i perspektivy sovremennoy filologii: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy
10. 80-letiyu KazNU im. al'-Farabi. Almaty, 2014. S. 66-69.
11. *Azizova A.O., Zholdasbekova B.U., Sarsekeeva N.K.* Dialogic Orientation of Discourse in Contemporary Kazakh Novel // The Social sciences. 2015. № 10. P. 1337-1342.
12. *Temirbolat A.B.* Problema khronotopa v sovremennoy proze. Almaty, 2003. S. 145-147.
13. *Образ мира, в слове явленный: монография / под ред. У.К. Абишевой.* Алматы, 2015.

Поступила в редакцию 25.02.2016 г.

UDC 821(091)

HUMANITARIAN DISCOURSE OF ABISH KEKILBAYEV'S HISTORICAL PROSE

Natalya Kantalievna SARSEKEEVA, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology and World Literature Department; Academician of Humanities Academy of Republic of Kazakhstan, e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

The humanitarian discourse of historical works of Kazakh writer Abish Kekilbayevich Kekilbayev is considered. The range of social and moral issues, resolved by the writer at philosophical and aesthetic level is illustrated in detail. Through the moral lessons of the past comes comprehension of the present. Playing the distant past, the ancient history of their ancestors, touching the moral problems with a deep sense of universal writer resonates with modernity. Lyrical-epic legends, folk tales, fairy-tale motifs are woven into the story of "Steppe Ballads" and "End of the legend" with repetitions, inversions, creating romantic mood. With the help of lyrical image means the writer seeks to understand what is the meaning of life, what is the place and role of man on earth. The search for new forms and means of expression contributes to the formation of copyright discourse on spirituality of the human being. A.K. Kekilbayev's works vary blurring of genre boundaries, overcoming the previous aesthetic and ideological stereotypes, appeal to neomifological thinking, built on the modernized myths universalization, relying on the eternal and unchangeable. In the novel "End of Legend" dominate fiction, fantasy, philosophical reflection on categories such as good and evil, love and power, truth and lie. Monologic character of the narrative, focusing on the moral aspect of the relationship of heroes, philosophical understanding of the events, the psychological analysis of the inner life of the characters shows mythopoetic nature of the work. Permanent symbol of the novel is the minaret. Minaret – the main symbol of the novel that carries the basic idea of the work: power, fame, love, art, the mystery of the world and the human soul. In the minds of Turkish, minaret is associated with symbolic and architectural unity of mediation, opening the poetics of a multi-valued image. The minaret in novel is also the main composite basis – all events in one way or another connected with him and come near him. Through the image of the minaret there is the opposition of two worlds – the upper and lower. Upper – bound to the image of the sky, of beauty, with the world dreams of heroes, the bottom – with the image of the city, with the "anthill", with the world of everyday bustle. Symbolic red apple with worm-hole shows the illusory nature of power.

Key words: humanitarian discourse; the author; mythopoetics; lyricism; image; plot; symbol; philosophical.